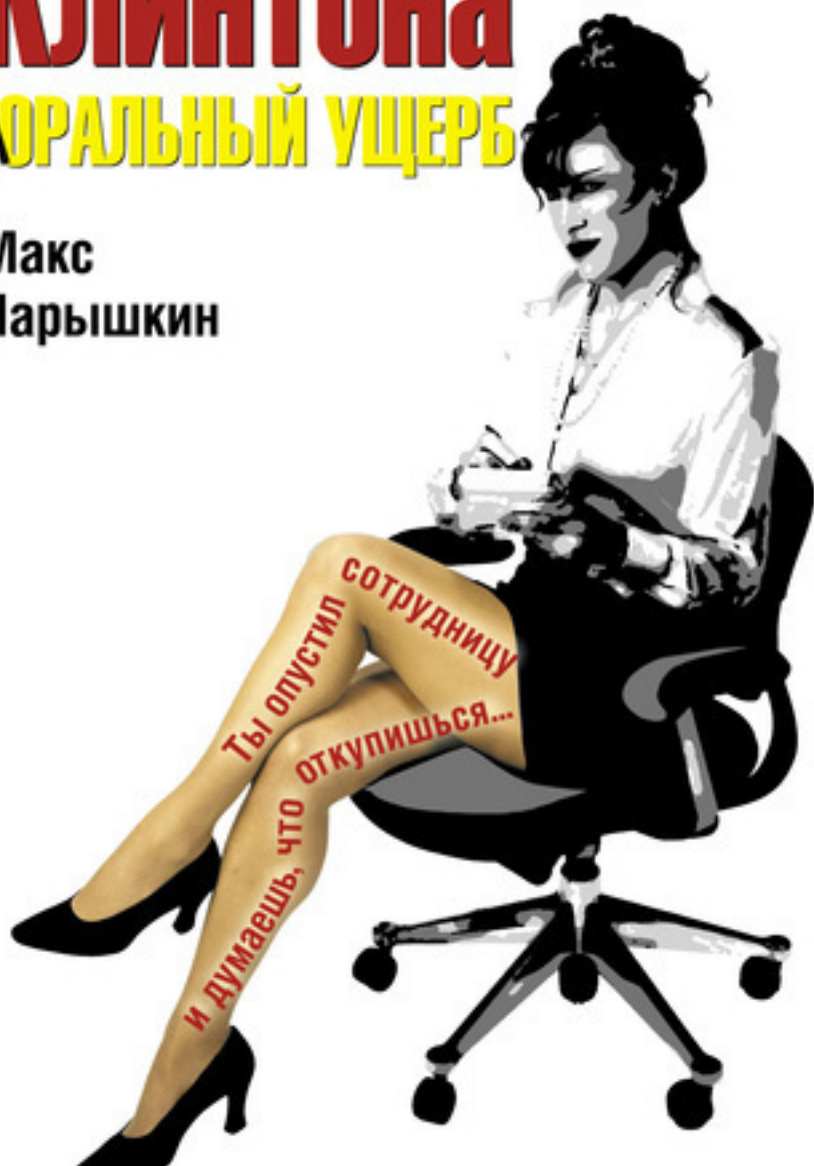

Синдром Клинтона

МОРАЛЬНЫЙ УЩЕРБ

Макс
Нарышкин

Менеджерам
нового
поколения
посвящается

Макс Нарышкин

**Синдром Клинтона.
Моральный ущерб**

«ЭКСМО»

2008

Нарышкин М.

Синдром Клинтона. Моральный ущерб / М. Нарышкин —
«Эксмо», 2008

Из офиса компании «Регион» пропала заместитель финансового директора Виктория Золкина. Девушка просто вышла из здания и растворилась в многомиллионной Москве, оставив на своем рабочем месте клочок бумаги с тремя фамилиями. Они-то и являются ключом к тайне исчезновения Вики. Поиском девушки занялись ее жених Тихон Куртеев и отчим профессор Игорь Оттович Берг. Ну и, конечно, руководители нескольких фирм, потому что вместе с исчезнувшей девушкой пропали принадлежащие им три миллиона долларов...

© Нарышкин М., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

От автора	6
Глава 1	8
Глава 2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Макс Нарышкин

Синдром Клинтон. Моральный ущерб

Издательский дом «Харриер» информировал читательский мир Москвы о выходе в свет очередного произведения Анастасии Боше «Корпоративный роман». В презентационном интервью известная писательница чистосердечно признается, что книга ею написана в соавторстве с неизвестным литературным критиком, автором Тихоном Куртеевым, и что ее перу в романе принадлежат только два эпизода: диалог главного героя с заместителем директора финансового департамента компании «Регион» за ужином и встреча на дороге девушки с окровавленным конфликтологом. Анастасия Боше сообщила, что по ее настоятельной просьбе соавтором из романа были исключены несколько кровавых сцен, а эпизоды корпоративной жизни с явно порнографическим оттенком были переписаны на в моральном отношении терпимые тексты...

Из каких-то СМИ

От автора

Как работают мозги у этого прайда? Они посылают друг другу сообщения по электронной почте, предлагая выйти покурить, переписываются каждый день с приятелем из Австралии, но не здороваются с соседями и не знают имени коллеги, который работает в кабинете напротив. Они перекидываются в Сети с совершенно незнакомыми людьми в «дурака» при помощи оптической мыши, но перестают соображать, если карты лежат не в ряду, а держатся веером в руке и если противник сидит напротив, а не в тысяче километров. В их мобильных телефонах напротив каждой фамилии десять номеров и несколько е-майл. Но они все равно не могут договориться друг с другом о встрече. Любой компьютер для них «старый», хотя почти все они используют его как печатную машинку и место хранения коллекции порнографических роликов. Новости они узнают на главной странице @MAIL.RU в последовательности:

1. Спешите и выигрывайте призы в онлайн-игре «Кулер Квест»!
2. В. Янукович: В. Ющенко не соблюдает договоренностей.
3. Воронцовские сухарики: пекутся о традициях забавы ради.

Они узнают о том, сколько будут получать на работе, через минуту после начала собеседования, но все равно будут сидеть и отвечать на вопросы «хьюман ресорсез», где работали. Они будут слушать о традициях компании, о том, что можно и нельзя, точно зная, что, пообещав прийти завтра с документами, не придут. Устроившись в другом офисе и получив задание, они уже точно знают, что не успеют его выполнить к сроку, и даже готовы перечислить форс-мажорные обстоятельства, которые станут тому причиной. Реагируя дома на телефонный звонок, они снимают трубку и говорят «слушаю вас» таким голосом, что позвонившей маме тотчас хочется что-нибудь купить. Всю неделю они ходят в шортах, надетых на колготки, розовых рубашках и черных брюках, а в пятницу расслабляются и приходят в джинсовых костюмах. Многие из них шлют резюме по факсу, откликаясь на бегущую строку: «Требуется опытная сотрудница (БЭСТ, 20000)», полагая, что участвуют в конкурсе на вакансию проститутки элитного салона.

Многие примитивные задачи для них неразрешаемы, другие, неразрешаемые, они щелкают не задумываясь.

А эту задачу старик Альберт Эйнштейн придумал сто лет назад. Для них, как теперь выясняется. Он предложил ее публике только для того, чтобы проверить свои математические вычисления. Гений Эйнштейна полагал, что из всех работающих на любом из предприятий только двое из ста могут называться умными людьми. С тех пор минуло сто лет, однако из ста человек с высшим образованием, достатком средним и выше среднего правильный ответ находили всего двое.

Исходя из конъюнктурных соображений эту загадку я переиначил на актуальный лад, не изменив при этом ее сути.

Итак, дано:

Есть пять офисов разного цвета: желтый, красный, белый, синий, зеленый.

В каждом офисе работает по одному из сотрудников компании: менеджер, мерчендайзер, консультант, финансист и дизайнер. Каждый из них курит только свою марку сигарет, работает только в своем офисе и пьет только свой любимый напиток. Придя однажды на работу, они обнаружили, что склад вскрыт. И тогда каждый из них украл себе по одному из предметов.

Из известных фактов помочь могут:

- 1) дизайнер работает в красном офисе;
- 2) мерчендайзер украл принтер;
- 3) консультант пьет чай;
- 4) зеленый офис налево от белого, и его хозяин пьет кофе;

- 5) курильщик «Кэмел» украл ксерокс;
- 6) хозяин офиса, находящегося в середине, пьет колу;
- 7) хозяин желтого офиса курит «Мальборо»;
- 8) финансист работает в первом офисе;
- 9) курильщик «Данхилл» работает рядом с похитителем сканера;
- 10) похититель факса работает рядом с курильщиком «Мальборо»;
- 11) курильщик «Лаки Страйк» пьет пиво;
- 12) офис финансиста рядом с синим офисом;
- 13) менеджер курит «Ротманс»;
- 14) курильщик «Данхилл» работает рядом с тем, кто пьет фанту.

Вопрос:

Кто украл счетчик купюр?

Любая компания, считающая себя развитой, может насчитывать в своем строю пятьдесят человек. Таким образом, вашей компании, если в ней разыщутся двое, кто решит эту задачу, очень повезло. Это значит, что у вашего конкурента дела совсем уж плохи. Я хочу предложить вам проверить, кто из сотрудников вашего офиса первым разгадает задачу Эйнштейна. Начните с президента и заставьте его поломать над нею голову, даже если он попытается убедить вас, что заниматься подобными глупостями у него нет времени.

А пока офисный служащий рисует таблицу и собирает в кучку цветные маркеры, я перескажу вам историю, случившуюся в Москве в сентябре 2007 года. Ее пересказал мне один из ее участников, проживающий ныне за рубежом. Кто именно, вы узнаете, если примените тот же ключ, что подойдет к загадке Эйнштейна. Мы сидели с ним в ресторане города Лидс (Англия, кто не знает), сидели долго, пили много, и я, чтобы не трудить руку, записывал повествование своего френда на диктофон. Все, что мне оставалось сделать, – это придумать начало и после-словие будущего романа.

Читайте его и ищите похитителя счетчика купюр. Надеюсь, вы найдете ответ быстрее, чем дочитаете последнюю главу.

С уважением, Макс Нарышкин.

Глава 1

Привыкшая к магии аудитория была погружена в еще более чуткую тишину, чем в былые времена. Заканчивалась последняя в этом году и последняя во веки веков лекция профессора Берга, преподавателя социологии. Шестидесятилетний старик вчера объявил о своем решении покинуть пост декана кафедры, отказаться от преподавания и уйти из университета вовсе и навсегда. Это решение он ничем не объяснял, а спрашивать у него о причинах никто не решался. Сказать, что решение об отставке было встречено с удивлением, означало издевательским образом погрешить против истины, поскольку такое заявление Берга не могло вызвать у студентов и преподавателей ничего, кроме потрясения. На лекции этого профессора ходили как в молеальный дом, хотя, конечно, ни в одном молеальном доме услышать столько шокирующих откровений было нельзя. Всякий предел предполагает существование чего-то за ним, раз так, то ни о каком пределе не может идти речи, и это было единственное правило доктора социологических наук Берга во время занятий. Он не заглядывал во время лекции в план-конспект – кажется, у него вообще не было никаких записей. Авторитет этого ученого человека достиг той высоты, когда требовать с него план-конспект для занятий со студентами выглядело по меньшей мере нелепостью. Читал он лекции куда интереснее, чем если бы давал материал в том виде, в котором тот предлагался инстанциями куда более высшими, чем ректорат университета. «Почему бы нам с вами не записать эту фразу умственного калеки Карнеги, пока студент Горшков пытается что-то найти меж больших пальцев ног студентки Максимовой?» – на самом деле последняя часть фразы не звучала, она всего лишь предполагалась, но все понимали это безошибочно, поскольку вместо того, чтобы писать фразу «умственного калеки Карнеги», студенты разворачивались и смотрели на задний ряд, украшенный лицами названных студентов. Очки Берга, словно прибор для прицеливания, инфракрасным лучом блуждал по залу, и точка упора этого луча была всем видна всякий раз, когда взгляд останавливался на ком-то, хотя бы и случайно.

Слушать его было интересно, не слушать граничило с моветоном, на лекции Берга приходили даже те, кто не считал социологию значимым для будущей карьеры предметом. Собственно, от самой социологии здесь было мало. Лекции Берга были жизненными. Профессору хватало единственного взгляда на аудиторию, ему достаточно было один раз выстрелить навскидку своим очкастым бластером, чтобы понять, к чьей жизни из сотни имеющихся в зале будет применима сегодняшняя тема. Старик профессор сканировал своим взглядом лица и безошибочно распознавал в одинаково преданно смотрящих на него глазах присутствующих и будущего демагога, гадкого мальчика, покупающего сканворды «777» только из-за того, что там всегда можно найти фото полураздетой девицы, и переживающую от совпадения времени наступления месячных с временем назначенного еще на прошлой неделе свидания будущей бизнес-леди. И он начинал рассказывать тему, щуря свои невозмутимые маленькие глазки за стеклами узких очков для чтения, и он, как и всегда, не договаривал последних фраз. Он говорил, и аудитория каким-то особым чутьем угадывала, о ком нынче идет речь. Это умение шутить, произнося серьезные вещи, это мастерское владение русским языком и взгляды рентгенолога должны были, казалось бы, опустошать его аудиторию, сводить ее к присутствию лишь тайных, еще не выявленных эротоманов и просто старательных учеников, блестяще понимающих тему, но совершенно не разбирающихся в сарказме и подтексте. Но именно эта острота, риск оказаться просвеченным и разобранным на молекулы, забивала зал, когда в нем читал Берг.

Невероятно редко встречаются заикающиеся женщины, в то время как найти заикающегося мужчину столь же нетрудное дело, как встретить лысого и при этом совершенно здорового мужчину, а вот встретить совершенно здоровую и лысую женщину представляется фантасти-

ческим явлением. Руководствуясь теми же житейскими наблюдениями, можно сделать вывод о сведении к нулю равновеликой возможности услышать на лекции заводящий студенток и восторгающий студентов здоровый юмор шестидесятилетнего преподавателя и научные мотивы при эстрадном выступлении сатирика. Но Берг, вопреки установленным природой правилам, сочетал в себе и то и другое. При этом он был лыс и едва заметно заикался. Можно было сказать, что он был «совершенно лыс», но это будет противоречить правилам русской речи. Лысый человек не может быть лысым совершенно или лысым недостаточно, ибо лысина предусматривает категорическое отсутствие растительности на голове. Быть чуть-чуть лысым – это все равно что быть чуть-чуть беременной, а потому стоит, верно, опустить усиливающие эффект описания и сказать о профессоре просто, как сказал бы криминалист экспертной лаборатории ГУВД Москвы. Игорь Оттович Берг был мужчиной небольшого роста, с маленькими внимательными глазами, никогда не растягивающимися в улыбке губами, чувственными музыкальными пальцами и такой блестящей головой, что в мощи сияния его мозга можно было даже не сомневаться.

Но сегодня деятельность Берга заканчивалась. Поговаривали, что старик решил все оставить и уехать. Одни говорили – рубить бабло в Оксфорд. Вторые интимно шептали, что Берг на старости лет решил закосить под дауншифтера и смыться в деревню («к земле привыкает», – говорили острословы, благо было у кого учиться). Оставшиеся ничего не предполагали и ни о чем не шептались. Они пытались смириться с утратой, скорбя и стоически дожидаясь появления того, кто придет на место Берга. Было ясно, что замена будет неравнозначной. Это как на поле вместо Роберто Карлоса вывести Онопко. Не мог найти себе места в университете только один человек. Тихон Куртеев, узнав о скором убытии профессора Берга, ликовал и уже дважды – ибо уже дважды объявлялось о завтрашней отставке – откупоривал советское шампанское. Но в первый раз он напился совершенно напрасно, поскольку известие об увольнении сообщила Раиса Петровна Березина (в девичестве – уже три раза – Поцелкина). А доверять ей было так же глупо, как глупо доверять сплетнику. Но невероятие новости перешибло легкое недоверие к источнику информации, и Тихон купил четыре бутылки и вечером стал стрелять в потолок, стараясь угодить непременно в люстру. Поутру, уже в университете, выяснилось, что деньги потрачены зря. Берг только объявил о своем предстоящем уходе, дабы решение не выглядело необдуманным. Новость расползлась по вузу, и Тихон занял выжидательную позицию. Через две недели Берг сам объявил, что «завтрашняя лекция» – последняя. Куртеев не выдержал и снова стал стрелять пробками в потолок. И вот сегодня, сидя и пытаюсь угадать, что испытывает человек, сорок лет отдавший науке и теперь странно ее покидающий, Тихон ерзал на месте, нервно двигая руками так, словно в ладонях у него было мыло.

Тихон Куртеев оканчивал последний курс университета по специальности «социолог». Обучение не причиняло бы столько мук, если бы с третьего курса его группу не повел Берг. Все люди делятся на тех, кто способен поделить мир, и на тех, кто в этом мире делится. Эти двое, Куртеев и Берг, не могли существовать в одном пространственно-временном континууме, как Пушкин и Дантес, Ленин и Романов, Ватикан и Браун. Точек соприкосновения у них множество, но все они оголены, и потому каждое прикосновение сопровождается острой болью. Берг считал Тихона необучаемым студентом, Тихон считал профессора клиническим идиотом. Но если мнение Берга о студенте было исчерпывающим и не подлежащим обжалованию, то Тихон в душе все же уважал Берга, ну и завидовал невероятно молодому старику. Но как бы то ни было, глубокими и темными ночами, когда голова Тихона была свободна от мыслей о соитиях и вине, он думал о Берге. Образ лысого старика профессора, от одного взгляда на которого глаза девочек становились блестящими, как вынутые из рассола маслины, приходил после 00.00 и начинал мучить Тихона. И в каждом из этих виртуальных споров он с досадой ощущал себя поверженным, низложенным. Не найдя чем ответить Бергу на лекции, он ночью лежал, курил и придумывал достойный ответ, который можно было бы несколькими часами ранее произне-

сти и тем сразить Берга наповал. При этом Куртеева совершенно не занимало то, что ответ уже запоздал, а шутки профессора никогда не повторяются. И все же, думал он, хорошо было бы вот так ввернуть... чтобы он от неожиданности даже очки поправил... Ночные размышления всякий раз заканчивались тем, что ближе к 01.00 становилось ясно – мести не состояться вовсе. И радость от убытия из университета старика окрылила Тихона и оживила.

Он знал социологию лучше всех на курсе. И досаднее всего было то, что не его глубокие познания в области гуманитарной науки стали причиной придинок к нему Берга. Куртеев так хорошо знал социологию, потому что редко когда сдавал предмет ненавистному профессору с первого раза. Обычно с третьего, а то и с четвертого. Берг словно сосал из него силы, упиваясь глупостью ученика и питаясь его молодой кровью. Оттого, верно, и не старел. Когда приходила пора зачетов, Тихон тускнел на глазах. Он знал, чем закончится сессия: неделей пересдачи. Сообразив это после первой же сессии на четвертом курсе, он стал учить социологию. Но Берг словно не замечал, что познания Куртеева глубоки и куда обширнее познаний его сокурсников. Казалось, Берг вычислил в толпе студентов одного, на ком можно оттянуться по полной программе. И чем явственнее приближались госы, тем сквернее чувствовал себя Тихон.

Все у него складывалось прекрасно. Он встречался с красивой девушкой двадцати двух лет, умной, независимой, споткнувшейся всего один раз – и на Тихоне. О женитьбе речи пока не заходило, да и не было в том нужды: пока их вполне устраивали две-три встречи в неделю. Крупная, крепко стоящая на ногах компания приняла его в свою дружескую (как было сказано на собеседовании) семью, обеспечив достойной зарплатой и коммунальными удобствами. После получения диплома зарплата должна была удвоиться. А это открывало широкие перспективы. Должность «конфликтолог, специалист по корпоративным отношениям» исключала какую-либо конкуренцию и подсидку со стороны пышущих завистью коллег. Куртеев как конфликтолог был в компании один, а потому сама по себе вероятность появления доносов на него в виде многих страниц огнедышащей прозы была исключена. Приметили его в «Регионбилдинг» год назад, приметили и сразу предложили место, приняв осваивать традиции солидной компании в качестве стажера вплоть до окончания университета. Уже было говорено, что контракт с ним будет заключен, что место – его, и если бы не Берг, то есть не единственная причина, из-за которой его с недоумением могут спросить в компании: «А чего это ты с первого раза гос не сдаешь по тому предмету, по которому у нас работаешь?», все было бы просто прекрасно.

Этот диссонанс приятного и неприятного вселял ужас в мужественную душу Тихона Куртеева. Он ждал государственного экзамена по социологии, дрожа от надежды и помня высказывания дружков о том, что преподаватели-стервятники, безжалостно терзавшие студентов несколько лет, на выпускных, как правило, превращаются в душек. У них-де статистика, и с них тоже могут спросить, чему они учили студентов, если те после нескольких лет учебы даже экзамены сдать не в состоянии. Куртеев соглашался с этим, формальная логика была для него близка, он знал ее на «отлично», но чем ближе были госы, тем крепче было его убеждение в том, что формальная логика тут ни при чем. Он просто трусит и старательно, необоснованно верит в небывальщину. Это мнение подкреплялось всякий раз, когда он вспоминал Берга: лысая, блестящая голова, очки, взгляд как у орла, сухие губы – разве это портрет человека, который готов превратиться в душку?

И теперь вот это неожиданное известие: госэкзамен по социологии принимать будет не Берг.

Выдержав паузу, чтобы не казаться бестактным, Куртеев кашлянул и спросил с заднего ряда аудитории, будто откуда-то с потолка, с вершины горы, на которую Сизиф катает туда-сюда валуны:

– Профессор, а это правда, что вы уходите?

Со стороны вопрос казался, конечно, воплем отчаяния.

– Нет, студент Куртеев, я н-не уйду... – Убедившись в том, что в глазах Тихона появилась мертвая муть, Берг закончил: – Я выхожу в отставку. Уходить мне пока еще рано.

Этой же ночью Тихон придумает достойный ответ на реплику профессора: «Вас о чем ни спроси, вы все о смерти» – но это будет ночью. Сейчас же, сыграв желваками, он почувствовал, как внутри пробирается знакомое чувство – злоба.

– Тогда, быть может, совет напоследок? – Тихону подумалось, что отказать в этой ситуации профессору будет негоже.

– Хорошая идея.

– У меня есть знакомый, – соврал Куртеев. – Он работает в одной крупной компании специалистом по корпоративным отношениям. Он много знает о своей компании и теперь пытается вывести универсальную формулу, которой пользуются те, для борьбы с которыми он поставлен на должность. Я хотел бы послушать, что вы думаете на сей счет.

Берг сошел с кафедры. Подтянул брючины и уселся на край стола первого ряда. Некоторые считают, что это случалось чаще разумного. Берг позволял себе чересчур демократические выходы. Сесть на стол, за которым кто-то сидит, означает неуважение – так думалось Куртееву; сесть профессору на стол своего ученика означает исключительное доверие – так полагал Берг. Нет, эти двое не могли находиться не только рядом, но и на одной планете.

Как бы то ни было, лица двух студенток зарделись от удовольствия. Впрочем, тому виной могла быть и «Арманимания», которой профессор пользовался с постоянностью маньяка.

– В одной стране лежала туша слона, – сказал профессор, скидывая пиджак и перекидывая его через руку. – Шакал принялся поедать тушу. Он прогрыз дырку и п-пролез внутрь. Сидя внутри туши, он продолжал есть мясо. А тем временем шкура высохла, покособилась и дыра, через которую шакал проник внутрь, закрылась.

– Профессор, боюсь, что вы меня...

– Я вас правильно понял, студент Куртеев. Передайте своему знакомому, что, если он не научится слушать, ему не вывести никакой формулы. – Берг опустил взгляд и без зазрения совести посмотрел на двух студенток. Яд Армани уже проник в аккуратные головки и стал опускаться ниже, ниже... и по их дрожащим ресницам было понятно, что он вот-вот достигнет дна понимания. Он всегда вел себя таким образом, отчего по университету бродили криво-толчки. В вузах для преподавателей существуют три запретные темы. Две оставшиеся: критика коллег в присутствии студентов и алкоголизм. Криво-толчки бродили по институту, но никому ни разу не удалось застукать Берга на месте преступления. По этой причине сложилось мнение, что он строго следует этому правилу. – Мимо проходил человек из касты барабанщиков. Он шел на церемонию изгнания демонов. В руках барабанщик держал... что?

– Кларнет? – предположил Куртеев.

– П-правильно, барабан, – похвалил Берг. – Шакал, сидевший в туше слона, услышал барабанный бой и спрашивает: «Кто идет?» – «Я барабанщик, иду на церемонию изгнания демонов». – «А что ты получишь за участие в церемонии?» – спрашивает шакал. «Мне дадут деньги и еще какие-нибудь подарки», – отвечает барабанщик. «Тебе исключительно повезло, что ты пришел сюда, – сказал ему шакал, – я охраняю здесь свое сокровище. Если ты хочешь его получить, ты должен выбить дно у б-барабана, наполнить его водой и полить ею тушу слона». Барабанщик выбил дно у барабана, наполнил его водой и принялся носить воду и поливать высохшую тушу.

– Простите мою дерзость, профессор, – воспользовавшись тем, что Берг дотянулся до скамьи, на которой сидели окончательно отравленные и готовые ко всему студентки, взял бутылку спрайта и приложил к губам, Куртеев криво улыбнулся, – рассказ о мертвом слоне, несомненно, захватывающий, но я вас спрашивал об универсальной формуле врагов конфликтолога.

– А шакал изнутри втирал воду в шкуру мордой, – закрутив крышку и поставив бутылку на место, почти коснувшись плечом лица одной из студенток, ответил ему Берг. – Наконец шкура размягчилась, шакал выпрыгнул наружу и убежал. А барабанщик все поливал и поливал тушу водой. Потом он заглянул внутрь, но никакого божества в туше не было, а было только множество червей. Взял он свой сломанный барабан и вернулся домой. Через несколько дней пошел сильный дождь и туша поплыла, увлекаемая потоком. На туше сидела стая ворон. Тушу снесло в реку, она поплыла вниз по течению, и ее вынесло в открытое море, а вороны все продолжали клевать падаль. В конце концов туша полностью сгнила и опустилась на дно, где ее дожрали рыбы. Вороны огляделись вокруг, но нигде не увидели ни одного дерева. И прежде чем они смогли долететь до суши, они выбились из сил, крылья отказались им служить, и все вороны погибли в море... Лекция закончена, друзья. И я не буду давать вам задания для самостоятельной п-подготовки, поскольку делать это уже не вправе. – Он подумал и добавил: – Ваше общество было для меня приятным или, по крайней мере, не обременительным. Желаю вам всем быть в хороших отношениях с господом богом. Прощайте.

Глава 2

Переход от стажировки к должности прошел для Тихона по-обыденному просто. Ничего не изменилось. Разве что теперь на груди его, на бейжке, значилось не «стажер», а «консультант». Тихону нравилась эта перемена. Он – консультант. Это означало, что с ним консультируются. Сие предполагало, что он знает что-то, в чем недостаточно хорошо разбирается руководство. Сам факт того, что президент и его окружение чувствуют себя уверенней, только лишь проконсультировавшись с ним, убаюкивало Тихона и зарождало в нем честолюбивые планы. Между тем многое, чего он не понимал, когда был стажером, не стало для него понятней и теперь, когда он вошел в должность. Каждое утро начиналось одинаково: он приходил в офис, поднимался на третий этаж «Регион-билдинг», здоровался в лифте со всеми, кто был рядом, выходил из кабины и шел по коридору. Здоровался со всеми, кого встречал по дороге и вынимал из кармана *свой* ключ. Вот еще одно новшество, которое радовало душу Тихона, – ключ. Во времена стажировки ключ ему выдавали и после работы он его сдавал. Теперь сдавать было не нужно, это был *его* ключ. Ключ от *его* кабинета. К концу третьего месяца работы в качестве стажера он уже со всеми сошелся – с кем близко, с кем имел лишь шапочное знакомство, но большинство сотрудников в огромной компании так и остались для него неузнаваемыми. Стажер – самое быстроногое существо в любой корпорации. За день он успевает посетить десятки мест и в половине из них испортить о себе впечатление. Вскоре к нему привыкают, как к тиканию часов. Сообразив, что в недалеком будущем он станет равноправным членом большой команды, Тихон с первого же дня появления в компании взял за правило держаться независимо. Он понимал, что рано или поздно стажировка закончится, а если бегать по коридорам сбивая дыхание и заискивающе улыбаться, то потом, будь ты хоть в совет директоров введен, к тебе все равно будут относиться как к половому. Самое лучшее, решил Куртеев, это ходить медленно, улыбаться снисходительно и делать вид, что ты знаешь что-то, чего не знают другие. Пара умных фраз в курилке, подгаданный к месту и хорошо подготовленный в домашних условиях экспромт – и вот на него смотрели уже с терпением, словно не понимая, почему он стажер, а не сразу консультант. Между тем за снисходительной улыбкой и загадочным лицом скрывалось буйное желание понять, как эта компания зарабатывает деньги и где те крючки, зацепившись за которые можно удержаться за должность.

Появляясь то там, то здесь, Тихон создавал видимость активности, информированности, знания секретов, недоступных другим. Однако сам впадал в ступор, когда другие делали это, не скрывая собственных проблем. Оказавшись однажды в отделе рекламы, Тихон долго стоял над листом ватмана – заготовкой будущего проекта продажи жилья. Лист окружали трое менеджеров с изнуренными от бесплодных поисков оригинальности лицами, и все, что к тому моменту значилось на листе, было: **ВНИМАНИЕ! БЕСПРЕЦЕДЕНТНАЯ СИСТЕМА ОСЕННИХ СКИДОК НА КВАРТИРЫ!**

Это было написано маркером сверху листа, и девственная белизна нижней части уверяла Тихона в том, что это-то свободное пространство, заполнившись цифрами и объяснениями, и должно было шокировать москвичей своей сентябрьской беспрецедентностью. Следовало, видимо, ожидать появления чего-то невероятного, что убедило бы потенциальных покупателей в том, что руководство «Регион-билдинг» сразили межсезонные недуги и оно решило продавать квартиры ниже себестоимости. Следовало, вероятно, думать, что эта-то беспрецедентность и заставит москвичей уйти с работы, выбить в банках двери, снять со счетов деньги и побыстрее купить в «Регионе» квадратные метры быстрее, чем медицина поставит руководство этой спятившей под осень компании на ноги. На такие размышления наталкивала, во всяком случае, фраза сверху.

О да. Создание рекламы требовало самоотречения. Тихон знал: чуть что не так – и рекламный ход может не подбросить продажи, а провалить бренд. Американцы при рекламе пива Coors использовали слоган Turn It Loose! – «Стань свободным!» – и буквально переведившие текст на бутылках испанцы читали: ОБОСРИСЬ!

Компания Clairol вывела в Германию свои сухие дезодоранты, используя слоган Mist Stick – «Туманный аромат» – и бургеры, используя свой сленг, прочли на флаконах: ГОВНО!

А англичане порадовали арабов рекламой лекарства от головной боли в трех картинках: на левой агонизирующий от мигрени человек держится за голову, на средней он сует в рот волшебную пилюлю, а на последней хорошо видно, что он ловит кайф, его никто не трогает и он счастлив. Тексты перевели на арабский, фотографии оставили те же, а подумать о том, что арабы читают справа налево, креативно налаженные рекламисты из туманного Альбиона как-то позабыли.

Но хитом рекламной акции Тихон до сих пор считал рекламу «чупа-чупса» с Плющенко. Женя, значит, держит во рту что-то – и под этим американцы собирались писать: «Чемпионы тоже сосут!» Дети. Очень трудно было убедить их в том, что вся звездно-полосатая нация, рекламируй «чупа-чупс» тот же, скажем, Майкл Фэлпс, сосать станет, но в России такая тема не прокатит.

Так что да – самоотречение, что было написано на лицах рекламодателей «Региона», понять было нетрудно.

Тихон постоял пять минут, сообразил, что мешает музе, беспокойно витавшей под потолком и не смеющей приближаться ни к одному из менеджеров в присутствии чужака, и деликатно удалился. Через час он снова зашел в отдел рекламы. То ли муза еще не до конца оправилась от вида Куртеева, то ли у гениальных менеджеров было несколько вариантов, да только на листе по-прежнему значилось: ВНИМАНИЕ!..

«Может быть, замазать это слово корректором? – подумал Тихон. – Оно, кажется, сбивает их с толку».

Менеджеры елозили на стульях, массируя филейную часть, гнали застоявшуюся кровь к голове, но это не помогало. Наконец один из них оторвал мутный, как у окуня, взгляд от арктической белизны ватмана и посмотрел на бедж Куртеева.

– Тихон. Тихон... Придумай систему беспрецедентных скидок. Но чтобы на выходе все равно оставалось 4500 долларов за квадрат.

Куртеев почесал затылок.

– Я полагаю, нужно как следует расписать, почему квартиры выгодно покупать в «Регионе». Нарисовать схему, дать фото интерьера квартир, показать преимущества.

– Тихон. Тихон... Это будет на растяжках на Садовом. Какое фото.

– А если...

– Тихон. Десять слов. Ровно столько успевают прочитать человек, проезжающий по Садовому на «Мерседесе».

– А если растянуть, где пробки?

– Тогда квартиры «Региона» будут ассоциироваться у людей с нервотрепкой.

– А зачем тогда было писать о беспрецедентных скидках, – возмутился Куртеев, – если у вас на выходе те же четыре с половиной?

– Тормоз, – пояснил другой менеджер говорившему с Тихоном менеджеру.

Тормоз Тихон думал весь день. Система беспрецедентных скидок не давала ему покоя. Он и домой приехал, обдумывая несколько идей. Вика встретила его в джинсах и с запахом гари.

– Я уют поставила греться, а потом пошла котлеты разогревать, – объяснила девушка. – Такая блузка была красивая.

Вика, эта девушка невероятной даже по меркам Москвы красоты, убила Тихона в первый же день его появления в «Регионе». Они столкнулись у лифта и с тех пор не разлучались. Бухгалтер компании, она смотрелась среди цифр и кип бумаг как-то нелепо, неестественно. Казалось, она зашла в бухгалтерию случайно и с тех пор никак не может из нее выйти. Ее правильные черты лица, изящный стан и идеальная походка довели бы модель Водянову до истерики, знай та о существовании Виктории Золкиной. Казалось, место этой девушки не здесь, не в строительной компании, а на подиуме, сцене или в студии, так Тихон, собственно, и подумал сразу. Но вскоре до него дошло, что только эта красота способна спасти финансовый департамент «Региона». При том количестве испещренных цифрами докладных записок, отчетов и актов, что ежедневно подавались в офис главного бухгалтера, «Региону» нужно было что-то еще, помимо ума бухгалтера. Был нужен красивый ум, и умом этим была Вика. Тихон, когда увидел ее перед лифтом, не сразу понял, с кем имеет дело. Оказалось, что первое лицо «Регион-билдинг» – всего лишь второе лицо в его бухгалтерии, но для Тихона это ключевого значения уже не имело. Он частично ослеп, а та часть зрения, что оставалась, была обращена в ее сторону.

Первый секс с нею был чем-то невероятным, он словно спал с девушкой-пришелицей. Ему казалось, что, едва наступит утро, она скажет: «Мне пора», сядет в звездолет и улетит на планету Орбит. Его сперма будет доставлена на орбитальную станцию, орбитяне как следует изучат ее, обнаружат в ДНК Тихона массу аномальных отклонений и отправят Вику снова в полет. На поиск человека совершенного. Весь следующий день Тихон мучился ревностью и сомнениями, но когда вечером Вика зашла к нему в кабинет и улыбнулась, он едва не сошел с ума от радости. Теперь они вместе. Впрочем, «вместе» – понятие относительное. Вместе они были только два-три дня в неделю. Остальные дни Вика проводила в доме отца, требовательного, как представлялось Тихону, человека. Станный отец держал Вику в весьма жестких условиях, и Тихон догадывался, что тот лично разыскивает для Вики жениха с подходящим брачным контрактом. Тихону было двадцать семь, Вике двадцать два, и Куртеев не понимал, почему они должны следовать правилам какого-то придурковатого отца. Но связь меж ним и Викой, несмотря на вот уже почти полуторагодовую историю, только зарождалась, и с перевоспитанием отца-тираннозавра он решил не торопиться. Любого отца всегда можно поставить на место. Другое дело, что Вика к нему, как кажется, сильно привязана. О маме речь ни разу не заходила, а лезть в душу к девушке, которую боялся потерять, Тихон не спешил. Главное, что было оговорено основное: как только Куртеев окончит вуз, все изменится. Однажды он попытался выяснить, что же это такое скрывается под именем «папа», но Вика отшутилась, сказав, что подозрение – не лучший способ сохранить теплоту чувств. Не время, мол. Ведомый теми самими, что не сохраняют теплоту чувств, подозрениями, Тихон в тот же вечер решился на и вовсе неприличный поступок. Он понимал, что слежка – не лучший метод в отношениях между мужчиной и женщиной. Но, как всякий мужчина, он все правильно обосновал. В конце концов, он не развод с захватом крупного состояния замышляет, а просто хочет убедиться в верности человека, которому доверяет. Да, это было обоснование что надо.

Вот так, решительно отказавшись от собственных убеждений, Тихон тайком отправился вслед за женщиной, которой верил. Ее машина довела терзаемого ревностью консультанта по корпоративным отношениям до высокого дома в престижном районе, и Тихон под покровом темноты приблизился к подъезду вслед за Викой. Она замешкалась у двери, копаясь в сумочке и чертыхаясь, а он стоял в пяти метрах от нее и дышал как фокстерьер. Закончилось тем, что Вика, отчаявшись найти в ридикюле что-то (впоследствии Куртеев убедился, что она теряет не только ключи от квартиры), нажала на домофоне несколько кнопок и сказала в ответ на решительное мужское «Да!»: «Пап, я ключ, кажется, потеряла!»

С облегчением передвигая ноги, Тихон дошел до своего «Пассата», сел за руль и поехал домой. Уже дома подумал о том, что негоже так убивать себя подозрениями, он, кажется, даже

покраснел от стыда. И краснеть было от чего: он следовал за Викой в амоке и даже не замечал названия улиц, по которым ехал. Он даже не узнавал знакомых мест. Попроси его добраться до подъезда Вики снова, он обязательно бы заплутал. Разве не сумасшествие его вело?

И вот все закончилось. Вика с ним. Он окончил университет, и тема женитьбы была близка, и от одних только мыслей об этом захватывало дух. Тихону было неинтересно, кто ее отец: его бы воля, он бы вообще с ним никогда не встречался при таком-то подходе к выбору зятя. Качает ли тот углеводороды из-под земли, вырезает ли по дереву или сколачивает табуретки для продажи на рынке – ему было все равно. Его интересовала только Вика. Работать вместе и жить вместе было легко, поскольку на работе они виделись не более двух раз в день. Их отношения в компании уже никого не удивляли, и все складывалось замечательно, за исключением двух моментов.

Первый: при всей своей фантастической внимательности к цифрам, в быту Вика представляла собой совершенно беспомощное существо.

Второй: Тихон так и не адаптировался к самостоятельной работе.

Если первое не было для Куртеева секретом, то второе невозможно было скрыть от Вики. О нем шли в офисе какие-то разговоры – скорее всего, не совсем приятные для его невесты. Пока он был стажером, все сходило ему с рук и особого внимания к себе он не привлекал. Все изменилось, когда он стал консультантом. С первого же дня Тихон ощутил какое-то неприятное давление со всех сторон, кабинет стал ему тесен, и он чувствовал себя в нем неуютно даже тогда, когда оставался один. Угроза была невидима, еще нельзя было ощупать и определить ее формы. Просто все складывалось не так, как он себе представлял. Заказанные у секретаря копии документов получались либо нечитаемыми, либо запаздывающими, что ставило его в неудобное положение перед тем, кого он должен был ими порадовать в срок. Компьютер то и дело поражали вирусы, а вызываемый сисадмин все делал медленно и таким образом, что на следующий день комп Тихона снова вис. Он давал задания, их не выполняли, ему советовали, он следовал советам, и вскоре выяснялось, что следовало поступать наоборот. Тихон еще не понимал, что стал объектом моббинга, и не понимал, наверное, потому, что не было оснований для догадки. Шепни кто Тихону, что ему сознательно и коллективно портят карьеру, первое чувство, которое он испытал бы при этом, было бы, скорее всего, удивление. Куртеев был человеком логики и тут же обратился бы к ее основам. А обратившись, тут же вывел бы, что причин для его выдавливания из компании попросту не существует. Зачем, к примеру, той же секретарше портить ему карьеру? – что, ее интересует место консультанта? Или отделу маркетинга – что, там завелось сразу пять человек, решивших уничтожить Тихона Куртеева и поставить на его место своего человека? Глупость, не так ли?

До его разумения не доходила простая истина, ему и в голову не могло прийти, что причины могут быть куда прозаичнее, чем он думает. Тем, у кого нет «Фольксвагена» шестого года выпуска и стильных костюмов, нет никакого дела до его должности. Тихона ненавидят только потому, что у него все это есть, а у них нет и что с ним, а не с кем-то другим спит Вика, а не кто-то другая. И неважно, что все, кроме Вики, Тихон имел до прихода в «Регион». Есть те, которые владеют куда большим, и до них персоналу «Региона» нет никакого дела. И не будет до тех пор, пока они не станут частью «Региона». Отождествив себя с «Регионом» и подтянув за собой квартиру в новостройке, новый автомобиль и тут же присвоив себе самую красивую женщину «Региона», а быть может, и всей Москвы, Тихон плюнул всем в лицо. Ну, или бросил перчатку под ноги – характер вызова каждый воспринял соответственно своему окладу.

«Наверное, – думал Куртеев, – все изменится. И я изменюсь, наверное», – думал он, – и это «наверное», как ни странно, убеждало его в том, что ни он, ни окружающее его заряженное поле никогда не изменятся. И когда он затаился, как и всякий загнанный в угол, когда он решил присмотреться к своим корпоративным отношениям внимательнее, он объяснил и первый момент, который немного омрачал его жизнь. У Тихона нет папы, который бы подсказал

или придержал. Или, наоборот, дал пинка для ускорения. Тихон – хозяин дома, но, как выясняется, не совсем ориентируется в офисе, то есть... черт возьми, в бизнесе, к сожалению. Вика в офисе – как рыба в воде, но едва перешагивает порог квартиры, тут же прожигает блузку вместе с гладильной доской. Проанализировав ситуацию, Тихон понемногу стал понимать ее папика. С такой девочкой нужно быть на постоянном взводе и не держать на виду спички. И если уж невозможно удержать ее от замужества, то любящему отцу стоит приложить максимум усилий для того, чтобы помочь дочери с выбором жениха. И чтобы рассеянная девочка не разыскала в пятнадцатимиллионной Москве полупедика или запрещенного к изданию во всех странах поэта в вечно грязных носках, нужно хорошо постараться. Например: выделять дочери два-три дня в неделю на пылкие отношения, чтобы в течение четырех дней этот пыл гасить. Вика почти ничего не рассказывала о своей семье, точнее будет сказать – вообще ничего не рассказывала, так что Тихону приходилось дописывать резюме любимой самому. И его мужское разумение выводило такие зигзаги: решив превратить дочь в бизнесвумен, папа наложил вето на девиз немецких домохозяек: «Кухен, киндер, кирхен». Таким образом получилось, что в отсутствие мамы из дочери вышел хороший бухгалтер, но никудышная домохозяйка. А все потому, что мамой у них был Новосельцев.

Но ни это, ни что другое не могло изменить отношение Тихона к девушке. Он страдал по ней до сумасшествия, до пьяного азарта, до исступления. Познав немало женщин, он всем им говорил «люблю», но до встречи с Викторией не представлял, что это такое. Наверное, именно поэтому он до сих пор и не сказал ей, что любит. Ему все казалось, что это «люблю» запачкает чистоту их отношений. В свои двадцать семь лет он не знал наверняка, но где-то в глубине своей души, как и всякий мужчина, понимал, что, сказав о любви ста женщинам только для того, чтобы испытать с ними оргазм, говорить о любви той, которую полюбил по-настоящему, невозможно. Он тыкался лицом в ее грудь, как щенок, целовал в ухо, лоб, глаза, клал голову ей на колени, когда они долгими зимними вечерами занимались разгадыванием забавных задач в журналах, и уже глухой и слепой догадался бы, что нежнее и чувственнее этой любви и быть не может, но из уст мужчины все равно ни разу не вырвалось слово «люблю».

– Вот, обрати внимание, – говорила Вика, относясь к заданию столь же серьезно, как к цифрам в бухгалтерской книге, – «дизайнер работает в красном офисе». Из этого следует, что он не может курить «Данхилл», потому что любитель «Данхилл» работает в желтом офисе. Раз так, то не дизайнер украл ксерокс. Он живет не в первом доме, не пьет пиво и не работает рядом с тем, кто пьет воду. Послушай, это не так сложно, как я думала!

– Осталось найти ответ, – улыбался Тихон. – Так кто же украл счетчик купюр?

– Подожди, подожди... – Она прикусывала губу, рисовала на листе какие-то таблицы, и Куртеев, ощущая тепло в груди, любовался девушкой. – Бухгалтер не работает в зеленом офисе, это очевидно из задания... Бухгалтер не пьет кофе, это тоже бесспорно... Значит, он и «Лаки Страйк» не курит... Тихон, я знаю, кто курит «Лаки Страйк»! Потылицын! У него всегда на столе пачка! Ему дружок привозит из Штатов.

– Ты не любишь сложные задачи, да?

– Почему? – удивлялась она. – Люблю. Просто мне хочется, чтобы ты думал вместе со мной. Ты сам-то разгадал секрет кражи?

– Нет, – смеялся Куртеев.

– Вот видишь. Мы начнем понимать друг друга с полуслова, когда научимся находить один и тот же ответ. Думай как я, ладно?

Куртеев готов был поклясться, что мог провести так всю жизнь: положив голову на ее колени и ни о чем не думая. Ему хотелось просто смотреть на эту девушку и разрываться от влюбленности, наблюдая за тем, как прекрасно выглядит та, которая без труда переключается с серьезного дела на простой разговор. Время шло, а тепло не проходило.

– Вика, ты мне уже дала вилку.

Он без аппетита съел котлету и, прислонив голову к стене, посмотрел на девушку. Если бы котлета была разогрета, она была бы вкусней.

– Расскажи мне, как я жил без тебя. Расскажи, как ты живешь со мной.

Она дотянулась до его руки пальцами и тоже прижалась к стене.

– Ты был бесшабашный молодой человек, который успешно пользовался тем, что нравился женщинам. Эта жизнь казалась тебе единственно верной, потому что не приносила тебе хлопот. Повстречав меня, ты подумал, что я была бы неплохим ее продолжением, и я все ждала того часа, когда ты сообщишь мне о завершении этого очередного этапа твоей жизни. Ждала, когда ты скажешь «прощай». Наверное, я жду этого момента и сейчас. И ты знаешь, я к нему приготовилась. Мне не хотелось бы однажды услышать о том, что лучше бы нам больше не встречаться. Я готовлю себя к этому с той самой минуты, когда ты, словно бы нечаянно, воспользовался теснотой в лифте и прикоснулся подбородком к моему лбу. Я знаю, что ты, если решишь уйти, не уйдешь неожиданно. Тебе обязательно придется сказать мне что-то. И эти твои слова о расставании, если они прозвучат, я встречу не как удар ножом, а как пощечину, от которой не умирают. Я переживу. С этим я существую. А живу с той мыслью, что твое тепло ко мне не иссякнет никогда. А еще я не хотела бы умереть с тобой в один день.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.